

© 2009 г.

А. Мартынов

доктор экономических наук

заместитель директора Международного научно-исследовательского
института социального развития

КАК ОЦЕНИТЬ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО МАКРОСА?

Без всякого преувеличения, можно сказать, что в современном мире превалирует утилитарное (а точнее, ограниченное и упрощенное) понимание общественного прогресса (регресса). Фактически он сводится к улучшению (ухудшению) сложившихся параметров развития того или иного социума, прежде всего, в производственной сфере. Соответственно, главным объектом общественного внимания выступают индикаторы сугубо конъюнктурных изменений. Так, миллиард, а то и более телезрителей на всех континентах в течение суток следит за изменением фондовых индексов, цен на нефть и, конечно, основных валютных курсов. В то же время, как показывают многочисленные аналитические исследования, граждане современных стран в большинстве своем не имеют ясных представлений о произошедших и тем более об ожидаемых в будущем фундаментальных общественных переменах.

Давно стало понятно, что темпы экономического роста, под которыми понимаются изменения валового внутреннего продукта той или иной страны, не являются единственным мерилем национального успеха. За последнее десятилетие, по общепризнанному мнению, в большинстве стран мира, несмотря на ощутимый экономический рост, для основной части их жителей «жизнь ухудшилась». При любых обстоятельствах целый ряд других важнейших макроиндикаторов, в их числе продолжительности жизни, рождаемости, состояния окружающей среды, уровня преступности, миграционной напряженности, следует также принимать в расчет.

Необходимость измерения результатов социального развития во всем их многообразии официально признана на международном уровне¹. Об этом свидетельствует хотя бы практика межстрановых сопоставлений, в которых наряду с валовым внутренним продуктом одинаковую по важности роль играют показатели располагаемых (реальных) денежных до-

---

¹ Достаточно сослаться на материалы мирового форума «Статистика, знания, оценка политических решений и содействие прогрессу обществ», состоявшегося в Стамбуле (Турция) 27-30 июня 2007 года (www.oecd.org/progress).

ходов, продолжительности жизни и уровня образования. На их основе формируются синтетические индикаторы и, в частности, индикатор человеческого развития, нашедший особенно широкое применение в исследованиях под эгидой ООН¹.

По мнению авторитетных международных экспертов, для достоверной оценки положения любой развитой страны не обойтись без использования не менее 60-70 индикаторов. Только при этом условии становится возможным выяснить произошедшие значимые перемены на основных полях социальных действий. Однако для определения действительных причин этих перемен явно недостаточно ограничиваться фиксацией индикаторов ресурсных изменений, при всей их важности. Они не дают ответа на извечный вопрос «почему». Вне поля зрения остаются сами процессы общественных перемен, на самом деле предопределяющие конечные результаты использования различных ресурсов – и материальных, и человеческих.

Обращение к теории трансформации позволяет сосредоточить внимание на объяснении самих причин структурных сдвигов, в целом опосредствующих качественное изменение состояния макросоциальной системы². Достижимое таким путем понимание закономерностей трансформации определенной макросоциальной системы позволяет составить представление о прогрессивности (регрессивности) ее развития. Более того, в русле системного институционализма вполне логичной выглядит постановка самой исследовательской проблемы: как оценить итоги трансформации конкретной макросоциальной системы за длительный период времени, то есть степень успешности ее траектории трансформации?

Один из известных подходов к разрешению обозначенной проблемы предполагает оценку того, насколько фактическая траектория системной трансформации близка к наиболее предпочтительной или эталонной траектории. В качестве таковой, будем объективны, очень часто рассматривается траектория развития, гипотетически устойчиво развертываемая во времени и пространстве по закону эволюции.

В контексте сказанного попробуем рассмотреть вечную проблему социальной эволюции в максимально операционном разрезе, именно в русле трансформационной парадигмы.

---

¹ Этот вопрос обстоятельно рассмотрен в книге: Греков И. Н., Садков В. А. «Гармоничное развитие России и оптимизация ключевых ориентиров современной макроэкономической политики» М.: Прогресс, 2006.

² Этой проблеме посвящена предшествующая публикация автора: А. Мартынов. Теория и стратегия социального развития: возможности применения макросистемного подхода. // Общество и экономика, 2006, № 10.

До настоящего времени наиболее распространена чрезвычайно широкая трактовка феномена социальной эволюции (здесь мы не будем касаться его марксистской интерпретации). *Эволюционными считаются практически все социальные изменения, не вызванные заведомо шоковыми процессами.* Так, в страноведческих исследованиях широко используется понятие «модель социально-экономической эволюции», под которой просто понимается процесс долгосрочного развития определенного социального макроса.

Такого рода модель является заведомо поверхностной в силу, по крайней мере, двух очевидных причин.

Во-первых, далеко не все внутрисистемные социальные изменения являются предопределенными, исходя из эволюционных тенденций. В успешно развивающемся современном обществе неизбежно возникают новые явления, не наследуемые из прошлого. Отсутствие принципиальных социальных новаций сопряжено с «застоем» в развитии социального макроса, что так явственно видно на примере Советского Союза и большинства бывших социалистических стран в семидесятые годы прошедшего века.

Во-вторых, сам эволюционный процесс рассматривается в заведомо ограниченной области, только относительно одной страны как макросоциальной системы. Внешние внесистемные воздействия предполагаются нейтральными, не приводящими к значимому смещению траектории трансформации определенной страны. Однако в реальном времени и пространстве полная независимость социальной системы конкретной страны от внесистемных изменений не достижима. В эпоху современной глобализации этот тезис выглядит неоспоримым.

Позволим себе высказаться категорично: *обществоведческое понятие эволюции отнюдь не выступает синонимом понятий «развитие» и «изменение».* Определенно не все тенденции институциональных перемен связаны с внутренними генетическими изменениями. Дарвиновская модель естественного отбора неприменима к обществам со сложившейся институциональной структурой. В них всегда присутствуют институты, функционирующие за рамками механизмов «естественного» саморегулирования.

Очень часто приверженность эволюционной парадигме развития высказывают сторонники либеральной доктрины. Причем они используют достаточно простой критерий для оценки результатов общественных преобразований. Согласно нему, чем более институциональные реформы отвечают императиву экономической и политической свободы, тем они эффективнее. На этом базируется концепция социального саморегулирования, выдвигаемая либералами, но эта концепция совсем не гарантирует

эволюционных сдвигов. Более того, она фактически предполагает отказ от серьезной эволюции институтов общественной регуляции. А в силу этого их функции начинают выполнять альтернативные, хотя и главным образом неформальные институты корпоративного регулирования. Среди этих институтов ключевую роль, как показывают многочисленные исторические примеры, играют институты неписаного права, нередко выражающие интересы криминальных сообществ. Тем самым в результате либеральной ориентации развития неизбежно имеют место деэволюционные институциональные перемены. Заметим, что в дальнейшем вполне вероятным становится новый виток дискретных, деэволюционных сдвигов, ведущих к сужению зоны действия многих прежних институтов саморегулирования и даже к их исчезновению.

Представление о возможности единовременного и тем более окончательного установления в глобальном масштабе явно доминирующих либеральных экономических и политических институциональных порядков в духе философско-религиозной идеологии “конца истории” явно утопично. Тем не менее потребность в либерализации общественных институтов в рамках тех или иных временных периодов неизбежно будет возникать снова и снова в процессе дальнейшей трансформации макросоциальных систем. *Либерализация в качестве дискретного во времени и пространстве процесса является неотъемлемой чертой исторического развития всех макросоциальных организмов.*

Тем не менее, по нашему убеждению, было бы неразумным отказываться от самой парадигмы социальной эволюции, послужившей основой для обширного числа плодотворных исследований, в том числе сугубо практических. Эволюционная концепция может быть плодотворным образом переосмыслена на основе именно трансформационной парадигмы. В соответствии с ней, эволюционные изменения в их традиционной теоретической трактовке выступают в качестве одного из основных типов непрерывных трансформационных преобразований социальной системы, отличающихся непрерывностью и однозначно постепенным или инкрементальным характером.

Технологическая трансформация отдельных стран обычно рассматривается в духе эволюционной парадигмы. По мнению авторитетных исследователей¹, в современную эпоху совершенствование технологий определенного типа, основную часть которых на самом деле составляют рутинные технологии, происходит в основном эволюционным путем. Как показывает практический опыт, и в рыночной, и в социальной сфере со-

¹ См., например: Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.

временных стран внедрение новых технологий происходит постепенно посредством постоянной модернизации фрагментов, узлов и деталей продуктов, созданных ранее (прекрасный тому пример – рынок мобильных телефонов). При этом такого рода эволюционный феномен не зависит от различия между инновационными источниками технологий – внутренними или внешними – относительно конкретной макросоциальной системы.

Однако в технологическом развитии отдельных стран неизбежно наступают перерывы постепенности. Они обусловлены как самим дискретным характером базовых инноваций – изобретений, так и в еще большей степени дискретными институциональными переменами. Наблюдаются временами деэволюционные сдвиги, иногда длительно превалирующие. Такого рода нарушения постепенности, эволюционного характера развития, означающие по существу переход к революционному типу развития, наблюдались в периоды ускорения технологического прогресса, что часто бывало в силу протекционистской политики государства для устранения отставания от стран-лидеров. Общеизвестный пример – догоняющая модернизация (по определению, данному еще Фридрихом Листом) в условиях реформаторского развития Германии в первой половине XIX века. Другой пример – феномен закрытого технологического развития в СССР на базе модели так называемого замкнутого цикла в сталинскую эпоху. Правда, стоит заметить, что по мере такого развития становилось все более настоятельной объективной потребностью заимствование новых зарубежных технологий для целого ряда отраслей (в частности, производства ЭВМ).

В настоящее время практически не существует закрытых национальных технологических систем. В то же мировое технологическое развитие характеризуется сочетанием «прорывных», в значительной степени деэволюционных сдвигов, и постепенных, близких к эволюционным переменам. Соответственно, наложение эволюционных и деэволюционных тенденций технологических изменений, бесспорно, наблюдается в границах социальных систем почти всех стран.

Имманентный признак трансформационных изменений эволюционного типа – их превалирующая рекурсивная зависимость от прошлого. В нашем понимании этот тип трансформации предполагает наследование определенных генетических кодов – институциональных образцов, характеризующих изначально возникшие ранее институциональные порядки. В краткосрочном плане подвижки в ходе трансформации макросоциальной системы являются в таких случаях исключительно инкрементальными и представляются в виде институциональных изменений «шаг за шагом».

В долгосрочном плане феномен наследственности, присущий трансформации рассматриваемого типа, проявляется в превалирующей зависи-

мости траектории долговременных институциональных перемен от определенных образом заданных институциональных параметров. Они могут быть, по нашему мнению, названы исходными институциональными образцами или даже институциональными генотипами. В то же время стоит особо отметить, что эти генотипы являются сугубо специфическими в отношении каждой конкретной макросоциальной системы, определяя стартовые условия развертывания ее движения во времени по эволюционной траектории.

Траектории долговременных эволюционных институциональных перемен сопутствует определенная траектория ресурсных сдвигов на основных полях социальных действий. Она, в свою очередь, характеризуется долговременными тенденциями постепенных и устойчивых изменений материальных, денежных и интеллектуальных активов, социального капитала, культурного потенциала относительно определенных исходных значений этих переменных, специфических для той или иной макросоциальной системы.

Также неотъемлемое свойство трансформации макросоциальной системы по эволюционному пути заключается в явной зависимости генетического характера доминантных организационно-поведенческих характеристик ее состояния от аналогичных переменных, разумеется, в определенный начальный период. Иными словами, исходный состав доминирующих социальных акторов с присущими им ролями предопределяет по существу дальнейшее формирование организационно-поведенческой структуры.

Эволюционная системная трансформация предполагает непрерывные инкрементальные изменения неформальных институтов. Дискретными являются только переменные формальных институтов, то есть институтов общественной регуляции. Результатом этих перемен по существу является фиксация происходящих качественных системных сдвигов, связанных с минимальными трансакционными издержками.

На базе трансформационной парадигмы становится объяснимой сама возможность коренных и одновременно относительно плавных преобразований институционального устройства определенных макросоциальных систем в случае их развития по эволюционному пути. В кратком изложении это развитие выглядит так: долговременное “накопление” инкрементальных эволюционных изменений в конечном итоге приводит к качественно новому институциональному строению всей социальной системы. В такой интерпретации дискретные переменные, неизбежно опосредствующие начальный этап трансформации социального макроса, выступают органичным дополнением инкрементальных трансформационных изменений в обычные периоды эволюционного развития.

В историческом ракурсе наиболее полно тенденции эволюционных экономических изменений исследованы Дугласом Нортом – самым видным представителем современного институционализма. Как убедительно показано в его труде «Структура и изменения в экономической истории», признанного одним из наиболее выдающихся обществоведческих исследований за последние десятилетия, рано или поздно эволюционные тенденции прерываются дезэволюционными. И можно, с учетом результатов других признанных исследований, уверенно предполагать, что такая же картина наблюдается на других полях социальных действий.

Из сказанного следует однозначный вывод: **эволюционная траектория макросоциальной трансформации отнюдь не является заведомо оптимальной** и, во всяком случае, не может рассматриваться в качестве эталона.

Прямой противоположностью эволюционному типу институциональной внутрисистемной трансформации в рассматриваемом понимании выступает дезэволюционный тип трансформации. Дезэволюционную (по сути революционную) трансформацию отличает превалирование корневых и других институциональных новаций, не обусловленных предшествующими траекториями трансформационных перемен. А это означает, что с наступлением дезэволюционной трансформации внутренние генетические институциональные образцы, присущие данной макросоциальной системе, перестают играть существенную роль. Иными словами, неизбежно происходит в существенной мере отказ от прошлого социального опыта.

Следовательно, имманентной чертой дезэволюционной системной трансформации являются дискретные изменения и неформальных, и формальных институтов. Эти перемены неизбежно носят прерывный характер, будучи связаны с большими трансформационными издержками.

Дезэволюционная системная трансформация включает в себя не менее широкую совокупность вариантов институциональных преобразований конкретного общества, чем эволюционная трансформация. Имеет смысл различать такого рода институциональные трансформации с точки зрения их доминантных движущих сил – внутренних или внешних.

Хорошо известны примеры типичных дезэволюционных трансформаций, вызываемых факторами, действующими внутри макросоциальной системы. Речь идет о революционных переворотах либо установлении авторитарных диктатур в отдельных странах, приводящих к слому прежней траектории национального развития.

Также трудно поставить под сомнение историческую значимость заведомо внешне ориентированных трансформаций макросоциальных систем. Так, огромный период мировой истории занимают территориальные завоевания. В современную эпоху развитие очень многих стран происхо-

дит под воздействием дезэволюционных сдвигов внешнего происхождения. Оккупация Ирака – только один из примеров. Но сдвиги внешнего происхождения происходят и далеко за границами «третьего мира».

По сути дела **в решающей мере траекторию будущих рассматриваемого типа трансформационных преобразований макросоциальной системы призваны предопределять определенные институциональные образцы, заимствованные от других макросоциальных систем.** В период новейшей истории в роли таковых, приходится констатировать, выступают вплоть до настоящего момента исключительно институциональные образцы, присущие странам Запада.

Как воочию показывает исторический опыт, трансформация макросоциальных систем конкретных стран как национальных сообществ, исходя из внешних ориентиров, редко заканчивается их полным преобразованием по подобию других систем, первоначально взятых за образец для развития. Всегда присутствуют и другие внешние факторы – те, которые обуславливают продолжение отдельных тенденций эволюционного характера и тем самым сохранение своеобразных черт ранее существовавших социальных систем конкретных национальных сообществ. Тем самым принцип эволюции рано или поздно снова начинает действовать.

Обычно в качестве примера успешных внешне-ориентированных системных трансформаций приводится опыт послевоенного восстановления Германии и Японии. Но с такой исторической интерпретацией нельзя согласиться.

Действительно, первоначально системные трансформационные преобразования в этих странах происходили в решающей мере посредством целенаправленных институциональных реформ, импортируемых из-за рубежа. И трудно переоценить огромную роль в данном процессе оккупационной американской власти. Однако, как хорошо известно, в дальнейшем в экономической жизни на первый план стали выдвигаться институциональные механизмы, ранее сформировавшиеся и развивавшиеся в основном эволюционным путем в период 1920–1930 гг. – до утверждения «Третьего рейха» и милитаристского правления в Японии. В итоге реально утвердившиеся институциональные модели социального рыночного хозяйства в Германии и корпоративного национального капитализма в Японии оказались очень далеки от первоначально взятой за образец англо-американской экономической модели. А в политической жизни обеих стран снова, как и в прежний период преобладающего эволюционного развития, стали доминировать общественные силы консервативной и социал-реформистской ориентации.

На наш взгляд, имеет смысл акцентировать внимание на феномене саморазвития институтов, первоначально имплантированных извне, по

эволюционной траектории. Для иллюстрации сказанного уместно обратиться к хорошо известному периоду отечественной истории. Речь идет о самом историческом пути развития России, предшествовавшем ее превращению в Российскую империю. Как известно, возникшая при Петре Первом империя явилась прямой наследницей огромного Московского царства и, соответственно, существовавшего до него Великого московского княжества. И эта трансформация происходила в значительной степени эволюционным путем.

Но столь же неоспоримо и то, что некогда провинциальные московские князья стали правителями Руси – Северо-Восточной России – благодаря длительному сотрудничеству с завоевателями – монгольскими ханами Золотой Орды. Начало этому процессу, как справедливо считается, положила передача ханом Узбеком как прямым наследником Чингиз-хана грамоты на Великое княжение московскому князю Ивану Калите (Ивану I) в нарушение существовавшего на Руси порядка наследования власти.

Из сказанного можно сделать немаловажный вывод: *первоначальным толчком к возникновению Российской империи стало завоевание кочевыми ордями Чингисхана Евразийского пространства*. Именно этот, беспрецедентный по своему масштабу, деэволюционный сдвиг послужил началом возникновения устойчиво прогрессирующей, несмотря на все многочисленные временные катаклизмы, тенденции эволюционных изменений, сопровождавшей трансформацию Московского государства в Российскую империю на все том же пространстве Евразии.

Деэволюционная траектория развития может превалировать в течение огромного исторического периода в жизни отдельных стран. Достаточно обратиться к феномену ультра маргинального развития России в прошлом веке. В течение него имели место, по крайней мере, девять катаклизмов в развитии страны, ознаменовавшихся переломом прежнего уклада социальной жизни. Они известны всем, знающим отечественную историю. Первый из них – революция 1905 года и обусловленные ей столыпинские реформы «сверху». Второй – прекращение этих реформ и последовавшее затем вовлечение России в Первую мировую войну на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии. Третий – общенациональная социальная революция 1917 года и Гражданская война. Четвертый – индустриализация и коллективизация в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Пятый – сталинские репрессии в конце 1930-х годов и установление культа личности Сталина. Шестой – послесталинская демократизация на рубеже 1950–1960 гг. Седьмой – возврат к командному социализму в период правления Брежнева. Восьмой – «перестройка» в направлении демократического социализма во второй половине 1980 гг. И, наконец, последний – радикальная рыночная либерализация и системный кризис в первой половине 1990 гг.

В то же время стоит обратить внимание на то, что некоторые из обозначенных деэволюционных сдвигов сопровождались усилением отдельных эволюционных тенденций трансформационных изменений. Так, установление единоличной диктатуры Сталина фактически означало восстановление традиционной для России монархии. И в дальнейшем первые лица нашего государства – генеральные секретари, а затем президенты – исполняли и исполняют роль монархов.

В контексте обсуждаемой темы было бы логичным сопоставить эволюционную и деэволюционную траектории системной трансформации с точки зрения их ожидаемого эффекта.

Как следует из ранее сказанного, применительно к социальной системе определенной страны целесообразен выбор «смешанной» траектории технологической трансформации, характеризуемой сочетанием деэволюционных и эволюционных перемен. Деэволюционные сдвиги призваны обеспечивать преодоление технологических разрывов в отдельных, но значимых в макромасштабе видах деятельности. В свою очередь, инкрементальные эволюционные изменения призваны отражать последовательное улучшение собственного национального технологического потенциала и одновременно расширение его способности к адаптации мировых технологических достижений. И в случае нейтрализации технологических разрывов эволюционные сдвиги, вероятно, станут превалирующими. Тем самым в долгосрочном временном ракурсе косвенным свидетельством эффективности траектории национального технологического развития выступает ее приближение к эволюционной траектории.

Несколько иная коллизия возникает при сопоставлении институциональной системной трансформации двух рассматриваемых типов. Очевидно, в рамках одного и того же временного среза существования определенной страны как макросоциальной системы эволюционная трансформация корневых институтов предпочтительнее их деэволюционной трансформации с точки зрения издержек общественного развития. Действительно, осуществление инкрементальных институциональных изменений в ходе эволюционной трансформации означает отсутствие значимых рассогласований между корневыми институциональными порядками. Соответственно, минимально возможные издержки требуются для их преодоления. В противоположность этому деэволюционные трансформационные изменения всегда проявляются в серьезной конкурентной борьбе между корневыми институциональными порядками. В такой институциональной среде потребные трансакционные издержки для деятельности субъектов государственной власти, коммерческого и социального предпринимательства оказываются неизбежно высокими.

В то же время итог сопоставления двух рассматриваемых типов трансформации определенной макросоциальной системы по их результа-

там совсем не правомерно полагать априори определенным. Как показывает исторический опыт, **в отдельных случаях трансформация деэволюционного характера приводит к более благоприятным результатам развития соответствующей системы. Такая коллизия может возникнуть вследствие эффекта «взрывного» развития социального макроса, инициированного деэволюционными переменами.** Последние, как правило, сопряжены с радикальными институциональными реформами, устраняющими сложившиеся за длительный прошедший период препятствия для достижения социального прогресса. Общеизвестный пример такого рода реформ – успешная экономическая стабилизация в СССР в 1922–1924 гг. путем создания устойчивой национальной валюты и механизмов рыночного обмена. Наряду с этим нельзя сбрасывать со счетов и фактор национального энтузиазма, сопутствующий начальному этапу коренной системной трансформации во многих странах – от Англии в период буржуазной революции до «новосоциалистической» Венесуэлы наших дней.

Вместе с тем с течением времени сами источники «взрывного» развития естественным образом исчерпывают себя. И, как уже отмечалось, смена превалирующей деэволюционной траектории институциональных изменений на траекторию, близкой к эволюционной, будет, вероятно, сопровождаться в целом повышением эффективности процесса макросоциальной системной трансформации с точки зрения критериев общественного прогресса.

Какой вывод следует из всего сказанного?

Институциональным системным трансформациям эволюционного и деэволюционного типа в принципе соответствует широкая область крайних траекторий технологических, институциональных, ресурсных и поведенческих перемен. И в конкретно-историческом измерении сравнение фактической результирующей траектории развития большинства стран с траекториями трансформаций альтернативных крайних типов дает возможность существенно приблизиться к правильной качественной оценке произошедших системных трансформационных преобразований.

Вместе с тем нельзя не признать, что **в большинстве случаев фактическая результирующая траектория макросоциальной трансформации сочетает в себе и эволюционные, и заведомо деэволюционные сдвиги.** Для оценки степени успешности «смешанной» в таком смысле траектории трансформации требуется применение более точных критериев. Попробуем рассмотреть эту практически неисследованную проблему хотя бы в самом общем плане.

В большинстве теоретических и практических исследований итоги долговременных социальных перемен принято оценивать, исходя из сте-

пени достижения желаемых целей национального развития. И, очевидно, для этого нельзя обойтись без применения известных ресурсных индикаторов, апробированных в страноведческих исследованиях и при международных сопоставлениях. Решающее значение, в соответствии со сложившейся практикой, имеют две группы индикаторов, рассчитываемые относительно конкретного периода трансформации (обычно ограничиваемого 5-7-летним сроком). Первая из них включает в себя индикаторы реальных доходов, продолжительности жизни, уровня образования, состояния окружающей среды, распределения культурных ценностей в виде общественных благ и другие индикаторы удовлетворения личных и общественных потребностей. Вторую группу представляют известные индикаторы потенциала развития макросоциальной системы. Среди них, в свою очередь, следует выделить индикаторы технологических инноваций, инноваций в передовые знания и человеческий капитал и в целом инвестиций в постиндустриальный сектор.

В то же время целевые ориентиры макросоциального развития всегда относительноны во времени, их неправомерно абсолютизировать. Не менее важно то, насколько эффективными путями достигаются поставленные цели. Главное – достижение устойчиво позитивной траектории общественного прогресса во времени и пространстве в примерном соответствии с поставленными целями.

В соответствии с теорией трансформации, о степени позитивности траектории трансформации макросоциальной системы за длительный период времени правомерно судить по эффективности функционирования действующих институтов и организаций, использования технологий и ресурсов. Иначе говоря, более предпочтительные результаты системных трансформационных сдвигов достигаются за счет лучшей эффективности технологий и функционирования институтов, сопряженной с лучшей эффективностью использования ресурсов и деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей. Тем самым более чем логичной выглядит постановка задачи оценки эффективности возможных трансформационных преобразований во времени и пространстве и на этой основе выбора их наиболее предпочтительных траекторий.

Как опять-таки следует из теории трансформации, исходными факторами развития макросоциальной системы выступают технологические и институциональные трансформационные сдвиги. Тем самым именно эффективность используемых технологий и действующих институтов в решающей мере предопределяет эффективность траектории трансформации макросоциальной системы в целом. В то же время принципиально важен следующий момент: при прочих неизменных внешних условиях повышение технологической и институциональной эффективности всегда

сопряжено с ростом ресурсной эффективности, которая может быть квантифицирована. А это означает, что в конечном итоге **эффективность системных трансформационных сдвигов определяется соотношением результатов использования и полных затрат ресурсов на основных полях социальных действий.**

Очевидно, для решения поставленной задачи требуется применение широкого набора индикаторов эффективности. Среди них ключевое значение имеют индикаторы инновационной активности, уровня высокотехнологичности отраслевой структуры национальной экономики, а также факторные (ресурсные) показатели эффективности далеко за пределами экономической сферы деятельности. Позитивное значение всех этих индикаторов свидетельствует о благоприятных итогах определенной макро-социальной трансформации.

В то же время следует исходить из того, что универсального синтетического измерителя эффективности просто не существует. А на основе частных индикаторов эффективности невозможно в большинстве случаев однозначно решить, какая из возможных траекторий трансформации определенной макро-социальной системы предпочтительнее. Кроме того, нельзя не учитывать ограниченную надежность оценок эффективности функционирования социального макроса с помощью традиционных частных индикаторов. Факторы неопределенности и риска, сопутствующие современной рыночной деятельности и многим другим социальным практикам, обуславливают заведомую текущую неустойчивость такого рода оценок ресурсной и технологической эффективности. Как показывает практический опыт, особенно усиливается вероятность серьезных ошибочных оценок при международных сопоставлениях в силу того, что показатели паритета покупательной способности национальных валют отличаются сильной волатильностью.

Выход из положения может быть найден путем обращения к известному ординалистическому подходу. Применительно к рассматриваемой проблеме он заключается в сопоставлении различных альтернатив макро-социальных системных изменений с точки зрения их долговременного эффекта.

В данной связи принципиально важен следующий тезис. Результаты развития макро-социальной системы с позиции его эффективности правомерно оценивать применительно к ограниченной области, вбирающей в себя только реально достижимые траектории институциональных изменений. Это позволяет ограничиться сопоставлением итогов реально осуществимых альтернатив трансформационных преобразований, набор которых заведомо дискретен.

Следовательно, выбор предпочтительной траектории трансформации социального макроса призван осуществляться, исходя как из целевых индикаторов, так и индикаторов эффективности в виде соотношения затрат и результатов. И эти две группы индикаторов должны взаимно дополнять друг друга. Тогда выбор наиболее эффективных траекторий технологических и институциональных трансформаций будет в конечном итоге воплощен в достижении желаемых целевых ориентиров социального развития в его широком современном понимании.

Но как практически применить обозначенный подход?

Достоверно выявить эмерджентный эффект системных трансформационных преобразований реально только посредством представления полновесной картины институциональных, технологических и ресурсных изменений во взаимодействии с коренными переменами ролей социальных акторов. Это условие может быть выполнено в случае последовательного применения давно известного сценарного подхода к исследованию трансформаций конкретных макросоциальных систем. Он заключается в проектировании реально осуществимых сценариев трансформационных изменений и затем их селекции.

В основе всей процедуры сценарного проектирования системной трансформации должны лежать содержательные гипотезы об ожидаемых корневых институциональных и технологических изменениях. Тем самым ресурсные и организационно-поведенческие сдвиги должны проектироваться, исходя из предполагаемого формирования институциональных образцов и институциональных структур (матриц) и ожидаемых ключевых технологических сдвигов. В практическом плане из этого вытекает, что все ожидаемые серьезные ресурсные и организационные изменения должны быть обоснованы с точки зрения необходимых институциональных и технологических подвижек. При этом такие сценарные проектировки должны быть специфицированы применительно к условиям каждого временного этапа с учетом автономных долгосрочных прогнозов. В частности, прогнозов развития инновационных рынков и рынков первичных ресурсов, промышленного и регионального развития, изменения статусной структуры, культурных изменений и политических процессов.

Неприемлемо автономное проектирование макроструктурных сдвигов с опорой на сугубо критерии эффективности распределения ресурсов. Заметим, что практика проектирования так называемых структурных ресурсных маневров, во многих случаях приводившая к крайне неэффективным результатам, особенно была распространена в условиях командных экономик социалистических стран. Тем более, неправомерна постановка во главу угла целей увеличения ресурсного потенциала (по типу «удвоения ВВП») при постановке на второй план целей институциональных преобразований.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, изначально поставленный в заголовке.

Исходя из приведенной аргументации, может быть предложен достаточно понятный подход к сопоставлению реально осуществимых альтернативных сценариев институциональной трансформации социальной системы определенной страны и таким путем сделан выбор наиболее предпочтительного из них. Следуя общемировой практике, главное внимание правомерно уделить альтернативным сценариям институциональной трансформации, вытекающим из идеологических платформ – программ ведущих политических сил. В этих сценариях должна быть максимально рельефно показана роль основных общественных сил, в том числе внутри национальной элиты, в осуществлении предполагаемых институциональных преобразований и сопутствующих им остальных структурных перемен, в том числе в технологической сфере. И в полном соответствии с законами драматургии само изменение соотношения общественных сил должно выступать результатом этих преобразований.

В первую очередь правомерно сопоставление самих имманентных институциональных характеристик альтернативных сценариев системной трансформации. Как подсказывает теория, узловое значение имеет дополняемость основных предполагаемых институциональных перемен в ходе осуществления каждого из сценариев. Наличие институциональных рассогласований будет означать необходимость изыскания значительных ресурсов для их преодоления. По этой причине сценарии, отличающиеся институциональной «однбокостью», определенно менее предпочтительны в сравнении со сценариями, отличающимися институциональной полнотой.

Также в соответствии с предлагаемым подходом принципиальное значение имеет то, в какой мере фактическая траектория того или иного сценария системной макросоциальной трансформации близка к эволюционной траектории или прямо противоположной ей дезэволюционной траектории. Решение этой задачи прямо связано с определением степени дополняемости корневых институциональных порядков. Существенная разнонаправленность трендов изменения ресурсного оборота, опосредствующего действия институтов общественной регуляции, с одной стороны, и действия институтов саморегулирования, с другой, свидетельствует о значимости институциональных противоречий и сопутствующих им дезэволюционных сдвигов в ходе трансформации макросоциальной системы. И, наоборот, однонаправленность указанных трендов свидетельствует о дополняемости корневых институциональных порядков и превалирующей значимости эволюционной составляющей системной трансформации.

Также узловое значение для сопоставления эффективности конкретных вариантов трансформации макросоциальной системы имеет оценка

всех последствий возможных деэволюционных институциональных перемен. По существу речь идет об определении влияния воздействия этих перемен на состояние исследуемой макросоциальной системы, приводящего к заведомому отклонению результатов ее развития от условного среднего уровня. При этом крайне важно учесть влияние на системные сдвиги особых факторов геополитических и геоэкономических преимуществ и изъянов.

Об успешности радикальных институциональных реформ и связанных с ними технологических, ресурсных и организационных изменений будет свидетельствовать порядковое улучшение состояния макросоциальной системы, исходя из указанных ранее целевых макроиндикаторов социального развития. Тогда деэволюционно-ориентированный сценарий системной трансформации может оказаться эффективнее эволюционно-ориентированного сценария. Но такое соотношение возможно в рамках заведомо ограниченного периода времени. Вне него предпочтение следует отдать сценарию системной трансформации, траектория которой более близка к эволюционной.

Впрочем, главная задача заключается в сопоставлении эффективности альтернативных сценариев предполагаемых системных институциональных преобразований. Как было выяснено ранее, для этого требуется оценить существующие разнообразные индикаторы эффективности, что крайне затруднено вследствие заведомой информационной ограниченности автономных сценарных проектировок. И можно утверждать, что любой «идеологический» сценарий институциональных изменений может претендовать на действительный общественный выбор только при условии его состыковки с признанными на государственном уровне проектировками и прогнозами обычных экономических, политических и других социетальных перемен.

Такое условие определенно выполнимо в случае разработки с помощью известных средств государственного программирования официального сценария-стратегии развития соответствующей страны, базирующегося на всей аналитической и прогнозной информации участвующих в этом процессе организаций. Действительно, тогда сопоставляемые сценарии могут быть реально инкорпорированы в процесс общенационального программирования. А это, в свою очередь, означает, что в ходе проектирования каждого из альтернативных сценариев системной трансформации станет возможным оценить с достаточной степенью информационной полноты эффективность предполагаемых путей достижения желаемых долгосрочных целей национального развития.

Адекватное решение обозначенной задачи представляется, по крайней мере, двухэтапным. На первом этапе, исходя из предполагаемых ин-

ституциональных и сопряженных с ними других внутрисистемных трансформационных перемен, а также внесистемных глобализационных и технологических перемен, нужно квантифицировать реально достижимые целевые ориентиры повышения благосостояния, экологической безопасности, потенциала технологического развития. Имеет смысл еще раз подчеркнуть – **такого рода сценарное проектирование принципиально отличается от традиционного программирования «цели – ресурсы».** Во главу угла ставится оценка эффекта общественных перемен, предопределяющих конкретные ресурсные и организационно-поведенческие сдвиги, а тем самым и изменения целевых индикаторов развития социальной системы страны.

На втором этапе решения задачи требуется ответить по существу на обратный вопрос: насколько реально выполнение институциональных и других преобразований в соответствии с рассматриваемым сценарием для достижения априори задаваемых целевых ориентиров развития макросоциальной системы, притом в заданные сроки? Для этого требуется качественная оценка степени реализуемости предполагаемых институциональных преобразований в конкретных пространственно-временных координатах.

Окончательное предпочтение должно быть отдано сценарию, отличающемуся траекторией наиболее эффективных трансформационных сдвигов с точки зрения достижения желаемых целей социального развития в требуемые сроки. При этом ключевое значение будет иметь сравнительная оценка эффективности корневых институциональных преобразований, предполагаемых в ходе осуществления каждого из альтернативных сценариев системной трансформации. Такого рода качественное ранжирование призвано базироваться на проектировании всей совокупности основополагающих взаимосвязей между институциональными, технологическими, ресурсными и организационными переменами. Тогда о степени эффективности институциональных преобразований будет правомерно судить по известным макроиндикаторам ресурсной эффективности, о которых говорилось ранее.

В то же время, разумеется, было бы неправильным преувеличивать значимость количественных параметров, определяемых в итоге сценарного проектирования системных трансформационных сдвигов. В отличие от директивных плановых установок такого рода проектировки призваны носить рекомендательный характер, играя роль «наводящих» ориентиров развития в процессе индикативного планирования¹.

---

¹ Вопросы применения принципов и методов индикативного планирования рассмотрены в ряде статей, опубликованных под рубрикой «Актуальность проблем планирования» в журнале: «Общество и экономика», 2007, № 11-12.